

РОССИЙСКИЙ АБИТУРИЕНТ XIX В.: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛИИ

Юркина Наталия Николаевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ИиИП

Московский Педагогический Государственный Университет — МПГУ

 nat4377@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются особенности поступления в университеты Российской империи XIX-начала XX вв., анализируется мироощущение и ожидания абитуриентов от университетской жизни, а также те трудности, с которыми сталкивались молодые люди в новых условиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *абитуриент, студент, университет, вступительные экзамены, форма.*

RUSSIAN ENTRANT OF THE 19TH CENTURY: EXPECTATIONS AND REALITIES

Yurkina N. N.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History of the IIP

Moscow Pedagogical State University — MSPU

ABSTRACT

The article reveals the peculiarities of admission to the universities of the Russian Empire in the 19th and early 20th centuries. It analyzes the attitude and expectations of applicants from university life, as well as the difficulties that people face in the new conditions.

KEYWORDS: *applicant, student, university, entrance exams, form.*

Вопросы истории университетского образования в Российской Империи в XIX-начале XX вв. волнуют многих исследователей, не только историков, но и представителей смежных дисциплин. Крупнейшим исследователем студенчества и его корпоративной жизни является А. Е. Иванов[9]. В советской историографии тема высшего образования была менее популярна, однако в это время были написаны монографии В. Р. Лейкиной-Свирской, Л. К. Ерма-ном и Эймонтовой. [7, 18, 19, 20] История высшего образования сегодня весьма объемна, что отразилось в нескольких вышедших недавно очерках, и включает множество направлений[1—3, 5]. Отдельный научный интерес представляет повседневная жизнь студенчества, подробно отразившаяся в воспоминаниях, дневниках бывших студентов, а также в классической художественной литературе.

Наиболее яркие впечатления студентов связаны с поступлением в университет, переездом в крупный город и обретением свободы от родительской опеки.

Согласно Университетскому уставу 1804 г., правила для поступающих были не очень строгими, однако, учитывалось социальное происхождение будущего студента. В вузы без экзаменов принимались успешно окончившие курс в гимназии. Находившиеся на домашнем обучении дети дворян поступали по итогам вступительных экзаменов по латинскому и новым языкам, а также начальным основаниям других наук [19, С. 34—36]. Такие испытания требовали дополнительной подготовки, абитуриенты занимались с репетиторами в течение года, предшествовавшего поступлению.

Порядок зачисления в университет после гимназии без экзаменов сохранился вплоть до конца XIX в., его наглядно иллюстрируют многие документы и воспоминания. Например, И. И. Янжул отложил экзамен до августа, т.к. побоялся, что недостаточно готов. Когда он подал прошение, его направили к декану истори-

ко-филологического факультета С. М. Соловьеву, *«которого ... увидал первый раз и отнесся, как совсем зеленый юноша, к такой знаменитости с особым благоговением»*. Соловьев отнесся к молодому человеку с пониманием и объяснил, что дополнительного экзамена не будет и можно лишь прибегнуть к т.н. «условному зачислению», т. е. поступить, например, на юридический, как наиболее близкий автору по причине хорошей успеваемости в гимназии, а потом перевестись на историко-филологический. [21, С. 7].

Во многих воспоминаниях известных деятелей культуры и политики подготовке к университету отведено особое место. События переходного периода, как яркие и значимые для молодого человека, занимают особое место в публицистике, художественной и мемуарной литературе. Трепет перед легендарными университетами, которых в начале XIX в. было всего пять и желание быстрее очутиться в стенах «храма науки» это те чувства, которыми жили абитуриенты и выпускники гимназий в начале века. Н. В. Успенский, будучи абитуриентом Петербургского университета, восхищался: *«Петербург!.. Сколько ты вдыхаешь в мою душу жизни, святых надежд!.. Ты кажешься мне великим сокровищем... я иду к тебе пешком... Да я ли один? Мысль о тебе озаряет много сердец...»* [14, С. 14]

Ореол учености и славы Московского университета манил к себе амбициозных молодых людей. *«Слава о старейшем из русских университетов далеко разносилась по России... Имена Грановского, Кудрявцева, Кавелина, Редкина, Соловьева были известны ученикам Симферопольской гимназии уже в пятидесятых годах»*. Бывшие ученики университета, преподаватели гимназии не лестно отзывались о своих учителях, но им гимназисты доверяли не очень. Зато жадно слушали рассказы приезжавших на каникулы студентов. Вокруг них «собиралась гимназическая молодежь старших классов и заслушивалась часто до позднего вечера речами словоохотливого студента», а письма об успехах старших товарищей-земляков ходили по рукам. [10, С. 193]

Занятие научной деятельностью было в первой половине XIX в. престижным. Мечты абитуриентов о научной славе отразились и в художественной литературе. Мечтательный герой Л. Н. Толстого Николенька во время подготовки к вступительным экзаменам рассуждал: *«Буду составлять лекции и даже вперед проходить предметы, так что на первом курсе буду первым и напишу диссертацию; на втором курсе вперед буду знать все, ..., потом выдержу на магистра, на доктора и сделаюсь первым ученым в России ... даже в Европе...»* [16, С. 193].

Возвышенное отношение к науке, морально-этический облик будущего студента формировался в том числе и путем установления строгих правил и требований. По университетскому уставу 1804 г. студенты обязывались соблюдать «истинное благочестие», «прилежать к наукам», соблюдать «благородное поведение» и избегать всего, что могло бы оскорбить достоинство университета. Кроме того, при поступлении в университет, студенты подавали характеристику от директора гимназии и свидетельство о «политической благонадежности». Большое значение при зачислении играло и то вероисповедание, к которому относил себя студент, предпочтение отдавалось православным, и все это также было задокументировано. В 1780-х гг. устав определял обязанности студента, «как христианина, как подданного российской империи, как студента относительно к учению и к поведению». Каждый студент подписывал обещание «во всем поступать по силе данного ему устава». Нарушение устава могло привести к исключению из университета. [17]

Политик и общественный деятель Б. Н. Чичерин приехал в Москву за год до поступления в университет, чтобы подготовиться. С ним и его братом занимались преподаватели Московского университета, такие как Т. Н. Грановский, В. В. Авилов. Вступительные экзамены в университет производили неизгладимое впечатление: *«Мы вдруг очутились в огромной толпе молодых людей, наших сверстников, стекавшихся отовсюду искать знания в святили-*

ще науки».[13, с. 44] Ф. И. Буслаева, поступавшего в Московский университет, тоже поразила «...пестрота в костюмах, когда мы все явились на вступительный экзамен», но он остро чувствовал социальные и возрастные отличия между студентами. «На бедняках из разночинцев и мещан по большей части сюртуки ...: кто в длиннополом и широком, сшитом на рост или с чужого плеча, кто в коротеньком и узком, засаленном, надтреснутом по швам... Богатые и знатные — в черных курточках и непременно в голландских широких воротничках»[3, с. 34]. Некоторых богатых абитуриентов сопровождал воспитатель и гувернер, который на протяжении занятий сидел вместе со своим подопечным в лекторской аудитории. Различие было велико и по возрасту: с одной стороны на скамьях сидели мальчишки-гимназисты — подростки, с другой — совершеннолетние богословы, годившиеся первым в отцы. Однако все эти различия быстро нивелировались в студенческой среде. Первое свое впечатление от юношеской толпы описывает и А. И. Герцен: «Пестрая молодежь, пришедшая сверху, снизу, с юга и с севера, быстро сплавлялась в компактную массу товарищества».

Отдельное внимание уделялось руководством университетов внешнему виду студентов. Для них в 1800 г. была разработана и учреждена новая форма. Первоначально студенческий мундир шился из зеленого сукна с красным воротником, был отделан обшлагами малинового цвета и белыми пуговицами, в одной половине которых помещался двуглавый орел, а в другой «атрибуты учености». Радость от поступления в университет подкреплялась обретенным правом носить форму. Однако не всегда финансовые возможности молодого человека позволяли приобрести новый мундир. «Я помню..., что предвкушая великое удовольствие прицепить шпагу на боку, первый символ государственности, я в кладовой нашего деревенского дома разыскал старинный...клинок и вез его с собою, чтобы отделать в студенческую шпагу». [10, с. 193]. Существовала система продажи комиссионных товаров, в том числе, формы, при гардеробах университетов. Б. Н. Чичерин вспоминает, с каким

удовольствием носили студенты форму в середине XIX в.: *«Придинок относительно формы не было, ...только в случае большого неряшества делались замечания»* [13, с. 14] Более того, обязательное ношение формы периодически отменялось, М. В. Сабашников вспоминал, что *«... не было повальной вражды к форме, которая появилась лет 10 спустя, не было и ее постепенного упрощения. ... Ношение формы доставляло мне большое удовольствие. Я расстался с ней только в конце 4-го курса»*. [15, с.99] Более того, отмена или отсутствие формы ощутимо ударяло по кошельку студента. Отношение студентов к форме стало негативным только к концу XIX в., когда она стала объектом слежки со стороны полиции, полномочия которой заметно расширились к 60—80 гг. XIX в.

В 90-е гг. студенты выглядели не так однородно. Форма стала сильно отличаться как в разных вузах, так и даже у отдельных студентов. Состоятельные студенты могли позволить себе дорогую и красивую форму, бедные приобретали старые подержанные сюртуки. Требование носить форму то ослаблялось, то усиливалось. *«Большинство студентов ходило в форменных тужурках, сюртук имели далеко не все. Тужурка была черного цвета с синим кантом и петлицами, золотыми пуговицами с орлом. Шинель черная, двубортная. Фуражка с синим околышем и темно-зеленой тульей. Форма была не обязательна, но большинство ходило в форме по двум причинам: во-первых, сразу видно, что студент, а это уже обеспечивало известное положение в обществе, во-вторых, так было дешевле...»* [8, с.12].

Эйфория и ощущение свободы, которое охватывало первокурсника по приезде в столичный Санкт-Петербург, описывают публицисты, сетуя, как водится, на морально-этическую сторону проблемы. *«Бывшее здание петровских Коллегий со знаменитым коридором, колонным залом с хорами, ..., с конференц-залом, помещениями ректората, конечно, производило большое впечатление на студента, впервые переступившего порог храма науки. ... На лекцию хочешь — иди, не хочешь — не ходи. Захотел — пошел*

слушать лекцию другого факультета или другого курса. ... Было непонятно, почему тому же человеку, который теперь называется студентом и носит другую форму, сразу предоставлена такая свобода». [8, с. 13] В воспоминаниях обретение такой свободы воспринималось исключительно позитивно и оценивалось положительно даже спустя годы. Русские писатели, такие как М. Горький, А. П. Чехов, Н. Г. Гарин-Михайловский и др. на страницах своих произведений предостерегали юношу от неприятностей и проблем, которые таил в себе большой город.

Кроме особенностей восприятия молодежью новой жизни существовали и объективные причины, привлекавшие молодежь в вузы. Высшее образование особенно в первой половине XIX в. имело особый престиж. Дипломы Петербургского и Московского университетов очень котировались и обеспечивали гарантированный карьерный рост. Выпускник университета сразу получал чин от 14-го до 10-го класса на государственной службе. Кроме того, он мог претендовать на присвоение личного дворянства [20].

К началу XX в. высшее образование существенно изменилось. После реформ Александра II сеть вузов дополнилась институтами, университетов стало больше, а высшее образование доступнее. Появились и женские высшие учебные заведения (высшие курсы). Ежегодно летом большое количество абитуриентов приезжало в университетские города Российской империи, чтобы стать студентами. Некоторые абитуриенты даже покупали билет в один конец на последние деньги [9, с. 32]. В начале XX в. те, кто заканчивал реальные и коммерческие училища, могли поступить в профильные вузы. Обстановка в них была не столь академичной, однако такие институты выпускали востребованных специалистов. В. Г. Короленко восхищался Технологическим институтом Санкт-Петербурга: *«Огромное здание, наполненное говором и шумом, смехом и гулом разговоров, казалось мне тоже чем-то вроде интеллектуальной фабрики, вырабатывающей нового человека*

для новой жизни» [11, т. 1, с. 41]. Молодежь чувствовала зарождение новой жизни, университеты приходили в упадок, а профильные институты процветали. «Московский университет продолжал жить на основе реакционного устава 1884 г., — вспоминает крупный историк XX в. Н. М. Дружинин. — ... В аудиториях историко-филологического факультета, ... царила достаточно затхлая атмосфера. Но и здесь современная жизнь вторгалась в замкнутые двери отгороженного «храма науки» и наполняла новым содержанием его устарелые формы». [6, с. 28] Кроме того, в классических университетах оставались престижные факультеты. Самым востребованным направлением в начале XX в. считалась юриспруденция. На юридический факультет поступали молодые люди из «хороших семей», поскольку выпускнику юридического «открывались все двери». Прочное положение в обществе и карьере также обеспечивали себе выпускники физико-математического и историко-филологического факультетов [9].

Стремясь в престижные университеты, студенты как в начале XIX, так и в начале XX в. сталкивались с целым рядом трудностей и проблем. Многие были разочарованы, другие отчислены, третьи попали не на тот факультет, о котором мечтали. Жизнь в большом городе также диктовала свои правила. Однако престиж и привлекательность высшего образования оставались неизменной ценностью. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аврус А. И. История Российских университетов. Очерки. — Москва: Московский общественный научный фонд, 2001.
2. Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы М.: Издательский дом "ЯСК", 2009. — 640 с.
3. Буслаев Ф. И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления/ Сост., примеч. Т. Ф. Прокопова. — М.: Русская книга, 2003. — 608 с.

4. Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года / [Савельев А. Я., Момот А. И., Хотеевков В. Ф. и др.]; под ред. В. Г. Кинелева. М., 1995.
5. Гришунин П. В. Студенчество столичных университетов: структуры повседневной жизни. 1820—1880-е гг. Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб., 2005.
6. Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю. Н. Емельянов. — М.: Современник, 1989. — С. 601.
7. Ерман Л. К. Интеллигенция в Первой русской революции. — М.: «Наука», 1966. — 372(1) с.
8. Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890—1970-х годов. Записки очевидцев. — Л.: Лениздат, 1991.
9. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX — начала XX вв.: социально-историческая судьба. — М.: РОССПЭН, 1999. — 414 с.
10. Из московских студенческих воспоминаний Ильи Петровича Деркачева // Воспоминания о студенческой жизни. В. О. Ключевский, П. М. Обнинский, Д. Н. Свербеев, С. М. Соловьев, А. И. Кирпичников, В. А. Гольцев, Ф. И. Буслаев и др., — М.: Издание Общества распространения полезных книг, 1899. — С. 191, 193.
11. Короленко В. Г. История моего современника в 4 тт. — Л., 1976.
12. Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 гг. — М.: «Мысль», 1981. — 285 с.
13. Русское общество 40-50-х гг. XIX в. Часть II. Воспоминания Б. Н. Чичерина. — М.: Изд-во МГУ, 1991. — 254 с.
14. Успенский Н. В. Из прошлого: Воспоминания...— Москва, 1888.— 250 с.
15. Сабашников М. В. Воспоминания. В университете // Московский университет в воспоминаниях современников: Сборник / Сост. Ю. Н. Емельянов. — М.: Современник, 1989. — С. 556.
16. Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность / Вступ. статья Б. Авенина. — Л.: Худож. лит., 1979. — С. 193.
17. Университетский устав 1863 г. // <http://letopis.msu.ru/documents/2760> (дата обращения 12.10.2020)

18. *Щетинина Г.И.* Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976.
19. *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох: от крепостничества к капитализму. М., 1985.
20. *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX в. — М.: «Наука», 1993. — 272 с.
21. *Янжул И.И.* Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. — С.-Пб., 1910. — 191 (4) с.